

ББК 66.3(4Вел)63

В.П. Румянцев

Британская дипломатия в поисках путей развития отношений с Египтом в 1961–1962 гг.

V.P. Rumyantsev

British Diplomacy in Searching the Ways to Develop Relations with Egypt in 1961–1962

Исследуется процесс поиска подходов к Объединенной Арабской Республике (Египту) со стороны Великобритании после восстановления дипломатических отношений между Лондоном и Каиром в 1961 г. Не сумев преодолеть своего негативного отношения к египетскому лидеру Г.А. Насеру, Соединенное Королевство так и не смогло укрепить свои позиции в Египте, построить свои отношения с Египтом «с чистого листа» Англии не удалось.

Ключевые слова: англо-египетские отношения, Г.А. Насер, внешняя политика Великобритании.

В истории внешней политики Великобритании в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны особой остротой отличались англо-египетские отношения. От позиций Соединенного Королевства на Ближнем и Среднем Востоке во многом зависела британская экономика в целом и поставки нефти на «Туманный Альбион» в частности. Решению задач энергетической политики Великобритании мешал рост национального самосознания народов Ближневосточного региона. Вдохновителем антибританских настроений в этом регионе выступал президент Египта Г.А. Насер, настойчиво добивавшийся ухода Англии из Ближнего и Среднего Востока. Британское руководство в середине 1950-х гг. было твердо уверено, что поскольку главной задачей ближневосточной политики Англии является «защита нефтяных интересов в Ираке и Персидском заливе», то «основную угрозу этим интересам представляет растущее влияние Египта» [1, р. 499].

В 1954 г. египетское правительство подписало с Великобританией договор об эвакуации британской военной базы, располагавшейся в районе Суэцкого канала, а как только к лету 1956 г. эвакуация была завершена, Г.А. Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала, крупнейшим держателем акций которой являлась Англия. Не сумев вернуть под свой контроль Суэцкий канал мирными способами, Великобритания осенью 1956 г. совместно с Францией и Израилем развязала агрессию против Египта, закончившуюся для Соединенного Королевства бесславно. Под давлением внутренних и внешних факторов Лондон вынужден был прекратить военные действия на египетской территории. Суэцкий канал остался

The article explores process to search approach to the United Arab Republic/Egypt after the recovery of the diplomatic relations between London and Cairo. The United Kingdom saved its negative attitude to Egyptian leader Gamal Nasser. The position of Great Britain in Egypt has weakened. Thus, England could not build its relations with Egypt from the «blank sheet».

Key words: English-Egyptian relations, Gamal Nasser, foreign policy of Great Britain.

в руках Египта, а Г.А. Насер лишь укрепил свой престиж и влияние на Арабском Востоке. В начале 1958 г. Египет объединился с Сирией, образовав Объединенную Арабскую Республику (ОАР), президентом которой стал Г.А. Насер.

С началом тройственной агрессии Каир разорвал дипломатические отношения с Лондоном. Понадобилось почти пять лет, чтобы восстановить эти отношения. Решающим фактором в улучшении англо-египетских отношений стала революция 1958 г. в Ираке, свергнувшая монархический режим в Багдаде, являвшийся главной опорой британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Лишившись этой опоры, Англия вынуждена была модифицировать свою ближневосточную политику, в том числе ища пути нормализации отношений с Каиром. В этой нормализации была заинтересована и ОАР, получившая вызов своим внешнеполитическим устремлениям со стороны нового иракского руководства. Между Каиром и Багдадом не только усилилась традиционная борьба за влияние в арабском мире, но и возникло соперничество за поставки советской военной и экономической помощи, крупнейшим получателем которой до тех пор была ОАР. Г.А. Насер, опасавшийся, что Москва переориентируется на развитие отношений с Ираком, в частных беседах несколько раз подчеркивал, что не хочет, чтобы Великобритания совсем ушла из Ближнего и Среднего Востока, оставив этот регион русским и американцам. Из этого британские дипломаты делали вывод, что Насер считал лучшим способом обеспечения интересов ОАР баланс между иностранными державами, имеющими интересы в данном регионе [2].

Министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд также пришел к выводу о необходимости изменения отношения к Г.А. Насеру. В памятной записке, адресованной главе правительства Г. Макмиллану, глава британской дипломатии утверждал: «...хотя я все еще основательно не доверяю ему (Г.А. Насеру. – *В.Р.*), думаю, что в наших интересах была бы разрядка в отношениях с ОАР» [3, р. 57]. 1 декабря 1959 г. отношения между Лондоном и Каиром были установлены на уровне поверенных в делах, а в начале 1961 г. Соединенное Королевство смогло в полном объеме восстановить дипломатические отношения с ОАР. Послом в Каир был назначен опытный арабист Г. Били. Во время первой встречи с Г. Били президент ОАР предложил начать отношения между Каиром и Лондоном «с чистого листа».

В начале 1960-х гг. в британских политических и дипломатических кругах обсуждался вопрос о возможности использования националистических настроений в странах «третьего мира» в интересах Великобритании. Исходным тезисом сторонников идеи развития сотрудничества с лидерами национально-освободительного движения было утверждение, что арабский национализм не противоречит основным интересам западных держав – не допустить доминирования Советского Союза в Ближневосточном регионе и покупать нефть на приемлемых условиях. Наибольший скепсис в отношении перспектив сотрудничества с Насером испытывало высшее руководство страны и лично Г. Макмиллан. В Форин оффис также возникло мнение, что партнерство не только с президентом ОАР, но и с любыми националистическими лидерами арабского мира только лишь усугубит положение Англии в регионе. Сотрудничество даже с таким давним британским партнером, как султан Маската, будет позиционироваться недругами Соединенного Королевства (прежде всего – Г.А. Насером) как проявление империализма, и, в конечном счете, негативные последствия такого сотрудничества скажутся на позициях самого султана. Данный подход предполагал максимальную отстраненность от межарабских распрей.

Против такой позиции стороннего наблюдателя выступил губернатор Адена Ч. Джонстон, который настаивал, что Г.А. Насер уже не тот молодой динамичный революционер, под обаяние которого попал арабский мир в 1950-е гг. Ч. Джонстон предрекал Насеру судьбу «вилья» – так на Аравийском полуострове называли многочисленных местных святых, имена которых знают, им воздают почести на религиозных праздниках, но кто они были и что делали уже в точности не помнит никто. Так и президент ОАР, доказывал губернатор Адена, со временем превратится в «вилья», вершить политику будут другие люди, а арабский национализм останется. «Отвергать партнерство с арабским национализмом – это поражен-

чество, основанное на подмене понятий. Истинный национализм, который имеет долгое будущее, ничего общего не имеет с краткосрочным и крайне антибританским явлением, олицетворяемым Насером», – доказывал Джонстон. Проблемой британской политики в отношении ОАР британский дипломат считал то, что Великобритания после Суэцкого кризиса 1956 г. потеряла веру в собственные силы и нередко попадала «под гипноз каирской пропаганды» [4].

Оппоненты губернатора Адена ставили под сомнение и утрату политической воли Лондоном, и теорию «вильянизации» Г.А. Насера. Ответственный сотрудник Форин оффис Дж. Бейт отмечал: «Мы получаем множество данных со всего арабского мира, включая (Персидский. – *В.Р.*) залив, свидетельствующих о том, что Насер все еще является главным символом арабского национализма». Другой британский дипломат – П. Моберли – настаивал, что «истощение национализма насеровского толка не обязательно приведет к такой форме национализма, с которой нам будет легче иметь дело» [5]. Помощник министра иностранных дел Великобритании Р. Стивенс также подчеркивал, что «арабский национализм (главным символом которого является Насер) – это движущая сила современного Ближнего Востока, и британские позиции в Адене, (Персидском) заливе и Иордании не могут быть моделью отношений с остальной частью арабского мира. Рискую быть обвиненным в пораженчестве, я, тем не менее, не верю, что партнерство с англичанами и арабский национализм совместимы сейчас (подчеркнуто автором цитаты. – *В.Р.*), а также в краткосрочной или в среднесрочной перспективе» [6].

Великобритания решила придерживаться прагматического подхода к ОАР: не пытаться изменить политику Г.А. Насера, а действовать на направлениях, где возможны подвижки со стороны Каира – в вопросе о компенсации за национализированную британскую собственность и при решении проблемы судоходства через Суэцкий канал. Британский подход к Г.А. Насеру был обозначен в переговорах американских и британских дипломатов в середине февраля 1961 г. фразой «нам не нужны ни объятия с Насером, ни вражда с ним, на позиции Насера будут влиять региональные факторы, а не давление Запада» [7, р. 22].

Эта позиция, казалось, стала себя оправдывать. Г.А. Насер вел себя с британскими дипломатами подчеркнуто прохладно. Как сетовал Г. Били, «за все время, что я являюсь послом в Каире, я имел возможность обстоятельно поговорить с Насером только один раз – один раз за полгода. И как уверяют мои коллеги-дипломаты, в ближайшие полгода у меня вряд ли будет больше возможностей встретиться с Насером» [8]. Предчувствие не обмануло британского посла. Осень 1961 г. выдалась невероятно хлопотной для президента ОАР и его окружения.

28 сентября 1961 г. в Дамаске был совершен военный переворот, в результате которого Сирия заявила о выходе из ОАР. По внешней политике Г.А. Насера и его панарабистской идеологии был нанесен чувствительный удар. Руководство ОАР заявляло, что государственный переворот в Дамаске был инициирован внешними силами. Публично не озвучивалось, но предполагалось, что за этими силами могла стоять Англия. Возложение всей вины за распад египетско-сирийского государства на иностранные силы было способом скрыть просчеты и ошибки правительства Г.А. Насера. Характерным стало появление антибританских статей в каирской прессе [9, р. 169–170].

Подозрения о причастности Великобритании к заговору сирийских офицеров возникли в Каире скорее по привычке видеть во всех проблемах козни англичан. Г. Били называл это «неразрушимым мифом о британской вездесущности на Ближнем Востоке», а британский посол в Тель-Авиве П. Хэнкок сообщал, что израильские дипломаты даже поздравили его с отличной работой британских агентов в Сирии [10].

Г. Макмиллан испытывал, по-видимому, смешанные чувства. С одной стороны, он был удовлетворен провалом дипломатии Г.А. Насера, который не мог не сказаться на его позициях в арабском мире. С другой стороны, он опасался непредсказуемых последствий развала ОАР. Несмотря на всю свою неприязнь к египетскому лидеру британское руководство видело и те проблемы, которые могли возникнуть в регионе с потерей контроля Насера над Сирией. Поэтому, отмечал премьер-министр Великобритании, «по странному повороту фортуны Форин оффис занял сторону Насера – там считают, что распад Объединенной Арабской Республики создаст еще больше проблем на Ближнем Востоке» [11]. Р. Стивенс озвучил позицию Великобритании в разговоре с послом ОАР в Лондоне, заявив, что Соединенное Королевство с сожалением относится к событиям в Сирии [9, р. 167].

Существовала вероятность египетско-иорданского столкновения. Амман одним из первых признал новый режим в Дамаске, после чего Г.А. Насер сразу же разорвал дипломатические отношения с Иорданией. В ответ иорданский король Хусейн привел свои войска в состояние повышенной боевой готовности. В этих условиях британская дипломатия предпочла не занимать чью-либо сторону, так как «политические взгляды (офицеров, пришедших к власти в Дамаске. – *В.Р.*) неизвестны, не ясно – какова степень поддержки их населением и, безусловно, что Насер все еще имеет сторонников в Сирии» [12].

Осторожность британской позиции объяснялась еще и желанием не допустить нового разрыва дипломатических отношений Лондона и Каира. Опыт Иордании показывал, что Г.А. Насер будет разрывать отношения со всеми, кто так быстро признает новое

сирийское руководство, а Великобритания не испытывала желания повторять, как это было в конце 1950-х гг., мучительную процедуру восстановления дипломатических отношений с Каиром.

5 октября 1961 г. во время выступления по национальному радио Г.А. Насер заявил, что не станет возражать, если Сирия снова будет представлена в ООН отдельной делегацией. Тем самым египетский лидер дал «зеленый свет» для признания Сирии другими государствами. Несмотря на выход Сирии из ОАР, Египет вплоть до 1971 г. продолжал официально именоваться как «Объединенная Арабская Республика», это же название еще некоторое время использовали и британские дипломаты для обозначения наименования Египта.

В середине октября 1961 г. Сирия была признана Великобританией. Министр иностранных дел Соединенного Королевства А. Дуглас-Хьюм, сменивший еще в 1960 г. С. Ллойда, заявил, что Лондон не испытывает удовлетворения по случаю отделения Сирии от ОАР, так как период существования египетско-сирийского союза был временем относительной стабильности на Ближнем и Среднем Востоке [9, р. 168]. Британское руководство действительно опасалось, что развал ОАР дестабилизирует обстановку в регионе, поскольку «Насер не смирится с потерей Сирии... он усилит пропагандистскую и подрывную деятельность» [13]. Чтобы предотвратить воплощение этих опасений в действительность, ведущие западные страны предполагали увеличить экономическую помощь ОАР. Соединенные Штаты, например, считали, что распад ОАР вынудит Г.А. Насера сосредоточиться на внутренних проблемах, что расширяло возможности американской политики в Египте.

Вопросы о сроках и масштабе предоставления экономической помощи Каиру вызывали расхождения между Вашингтоном и Лондоном. В США считали, что уже в конце 1961 г. Египту можно будет предложить товарный кредит зерном сроком на три года. В Лондоне полагали, что любая экономическая помощь должна предваряться демонстрацией Г.А. Насером готовности к улучшению отношений с Западом.

Великобритания считала, что США торопятся с предоставлением масштабной экономической помощи Египту. Отсутствие ощутимых сдвигов в англо-египетских отношениях Лондон связывал с недоверием, с которым Насер относился к англичанам, а они платили ему тем же. Позволить англо-египетским отношениям «дрейфовать» было нельзя, поскольку, как утверждал Дж. Бейт, существовала опасность, что Каир окончательно повернется «на Восток», т.е. станет активно развивать сотрудничество с Советским Союзом. Перед посольством Великобритании в ОАР ставилась задача постараться как можно чаще встречаться с Г.А. Насером («а иначе зачем нам посол в Каире?»), объясняя политику Лондона в Ближ-

невосточном регионе и пытаюсь тем самым снизить влияние армейских кругов и разведки, на основе докладов которых, как были убеждены британские политики, формировалось отношение президента ОАР к Соединенному Королевству [14].

Весной 1962 г. для ликвидации последствий неурожая хлопка в Египте Международный валютный фонд выделил ОАР 42,5 млн долл. Еще 20 млн долл. предоставили США. Условия этих займов были такие: помощь предоставлялась на 10 лет, под 2,5%, с началом погашения кредита через три года. Каир обратился и к Великобритании, запросив 30 млн долл. на тех же условиях, что были предоставлены Соединенными Штатами.

Форин оффис предлагал оказать экономическую помощь Египту, но не в запрашиваемом размере, а меньше – около 10 млн долл. – при условии, что 8 млн из этой суммы должны быть израсходованы исключительно для обещанных правительством ОАР выплат компенсации за национализированную британскую собственность. Министерство иностранных дел Великобритании считало, что оказывать экономическую поддержку Египту нужно без выдвижения политических требований, но в то же время Г.А. Насеру необходимо дать понять, что Лондон рассчитывает на понимание со стороны Каира. Сделать это можно было, считали британские дипломаты, намекнув египтянам, что сумма кредита может быть и больше, не конкретизируя цифру [15].

Предлагаемый Форин оффис вариант встретил возражение со стороны Министерства финансов Великобритании. Возглавивший это ведомство в июле 1960 г. С. Ллойд обращал внимание на то, что у Соединенного Королевства есть серьезные проблемы с собственным платежным балансом. Помимо экономических существовали и политические соображения. «Египет – не та страна, которой следует отдавать предпочтение,

оказывая дополнительную экономическую помощь, – убеждал С. Ллойд, – например, просьбы Турции и Ирана, которые являются нашими союзниками, важнее» [16]. С. Ллойд придерживался позиции Ч. Джонстона и считал, что сотрудничество с насеровским Египтом нецелесообразно из-за временного характера режима, правившего в Каире, и противоречий с интересами Лондона в княжествах Аравии.

В начале августа 1962 г. между Египтом и Великобританией были подписаны два соглашения. Одно – об обязательствах Каира завершить процесс десеквестаризации британской собственности за три года, второе – о предоставлении Египту от Англии торгового кредита в размере 3 млн 575 тыс. фунтов стерлингов сроком на 10 лет [17]. Стараясь как можно реже затрагивать чувствительные места англо-египетских отношений, такие как радиопропаганда арабского национализма и деятельность египетских спецслужб в районе Персидского залива, Лондон решил сосредоточиться на торговой дипломатии. В 1962 г. ввоз английских товаров в Египет равнялся 25.3 млн фунтов ст., что превысило британский импорт в эту арабскую страну до Суэцкого кризиса (в среднем – 23.6 млн фунтов ст.). В 1963 г. ОАР вышла на первое место среди стран Ближнего Востока – английских импортеров [18, с. 118].

Некоторое потепление отношений между Лондоном и Каиром, наблюдавшееся в начале 1960-х гг., длилось недолго. Прогноз британских дипломатов о том, что Г.А. Насер попытается компенсировать распад ОАР активизацией политики в арабском мире, оправдался. Осенью 1962 г. началась гражданская война в Йемене, в которую оказалась активно вовлечена ОАР. Вмешательство Каира в йеменские события было расценено в Лондоне как прямая угроза британской колонии в Адене. «Холодная война» между Великобританией и Египтом продолжилась.

Библиографический список

1. British Documents on the End of Empire. Series B. Vol. 4. Pt. III. Egypt and the Defence of the Middle East, 1953–1956. – L., 1998.
2. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 21/5997. Neutralism in the Middle East. Foreign Office Steering Committee Paper. 1960. September 14.
3. Ashton N.J. Macmillan and the Middle East // Harold Macmillan and Britain's World Role / Ed. by R. Aldous and S. Lee. – L., 1996.
4. NAUK. FO 371/158740. C. Johnston to R. Stevens. 1961. January 6; FO 371/157389. C. Johnston to R. Stevens. 1961. March 16.
5. NAUK. FO 371/158740. «U.K. Policy in the Middle East». Report by P.H. Moberly. 1961. January 11; Comment by J. Beith. 1961. January 13.
6. NAUK. FO 371/158740. R. Stevens to C. Johnston. 1961. February 24.
7. Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. XVII. – Wash., 1995
8. NAUK. FO 371/157389. H. Beeley to R.S. Seivener. 1961. September 16.
9. McNamara R. Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East: From the Egyptian Revolution to the Six Day War, 1952–1967. – L. ; N.Y., 2004.
10. NAUK. FO 371/163971. P. Hancock to Foreign Office. 1962. February 5.
11. Harold Macmillan Papers (HMP). Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. Second Series. dep. d. 43. 1961. October 1.
12. NAUK. CAB. 129/107. «Syria and Kuwait». Note by the Secretary of State for Foreign Affairs. 1961. October 6,
13. HMP. Diaries. dep. d. 43. 1961. October 8.
14. NAUK. NAUK. FO 371/163971. P. Hancock to Foreign Office. February 5, 1962; J. Beith to P. Hancock,

Британская дипломатия в поисках путей развития отношений с Египтом...

1962. February 21; J. Henniker-Major to R.S. Crowford, 1962. March 3.

15. NAUK. CAB 129/109. «Egypt». Note by M. Cary. 1962. May 14; Foreign Office – to H. Beeley. 1962. May 16.

16. NAUK. CAB 129/109. «Egypt». Memorandum by the Chancellor of the Exchequer. 1962. May 12.

17. The Times. 1962. August 9,

18. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1965 гг.) / отв. ред. Г.Л. Бондаревский. – М., 1966.